

Барбара Картленд Капризный ангел

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3914605
Капризный ангел / Барбара Картленд ; [пер. с англ. З. Красневской]: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56953-3

Аннотация

Юной Тильде уготован брак с князем небольшого европейского государства. Союз без любви, по политическим расчетам, девушку не пугал, но после неожиданного знакомства с храбрым дворянином Рудольфом, в которого она влюбилась с первого взгляда и оказалась втянута в удивительное приключение, Тильда решает во что бы то ни стало бороться за любовь и избежать ненавистного ей брака!

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Барбара Картленд

Капризный ангел

От автора

На карте Европы нет такого государства, как Оберния. Это целиком вымышленная страна. А вот дворец баварского короля Людвига под названием Линдерхоф произвел на меня, когда я посетила его в прошлом году, точно такое же потрясающее впечатление, как и на мою героиню Тильду. Он действительно прекрасен и похож на сказку. Единственное, в чем я погрешила против истины в своем романе, – так это перенесла Линдерхоф поближе к Мюнхену. На самом деле любимое детище баварского короля находится значительно дальше от города.

Глава 1

1879

Пыхтя и изрыгая клубы дыма, поезд медленно подошел к платформе железнодорожного вокзала в Виндзоре. На перроне, обычно пустынном, когда туда прибывает королевский состав, на сей раз было полно людей. В толпе выделялись несколько солидных джентльменов. Судя по их парадным, шитым золотом мундирам, это были придворные, прибывшие для встречи принцессы Присциллы и ее дочери.

На площади перед вокзалом гостей уже поджидала королевская карета. Дамам помогли сесть, и карета покатила к замку.

– Прошу тебя, Тильда! Пожалуйста, будь предельно собранна! – обратилась принцесса, в замужестве герцогиня Фортгемптон, к дочери. – Помни, ни в коем случае нельзя заговаривать с Ее Величеством первой. Только после того, как она сама к тебе обратится.

– Да, мамочка.

– Еще раз напоминаю тебе последовательность действий во время церемонии. Ты берешь руку Ее Величества, приседаешь в глубоком реверансе, потом целуешь руку. И только после этого можно приложиться к щеке. Поняла?

– Да, мамочка.

– Умоляю, ничего не перепутай! И внимательно слушай все, что будет говорить Ее Величество.

– Да, мамочка.

– И еще одна вещь. Обещай мне, Тильда! Никаких вопросов Ее Величеству. Повторяю, никаких! У тебя просто страсть приставать ко всем со своими глупыми вопросами.

– Но, мама! Как же можно что-то узнать, если не спрашивать?

– Вот-вот! Подобные рассуждения вполне в твоем духе! Ах, боже мой! Какая жалость, что твой отец не смог с нами поехать. В его присутствии ты всегда ведешь себя гораздо, гораздо благоразумнее.

Тильда промолчала, оставив последнюю реплику матери без ответа.

Юная Виктория Матильда Тезертон-Смит, единственная дочь герцога и герцогини Фортгемптон, уже тысячу раз слышала все эти наставления из уст матери. Во всяком случае, с тех пор как они получили приглашение посетить Виндзорский замок, подобного рода разговоры шли постоянно.

Собственный, пусть и небольшой, житейский опыт подсказывал девушке, что наилучший выход в сложившихся обстоятельствах – это безропотно соглашаться со всем, что тебе говорят. А уж что она при этом на самом деле думает – никого не касается.

Конечно, посмотреть собственными глазами на старинный королевский замок – очень заманчиво! Тильда прильнула к окну кареты в надежде увидеть знаменитый дворец. Но карета ехала по обычной городской улице, застроенной по обе стороны обычными жилыми домами, и никакого замка нигде видно не было. Уж его-то она бы сразу узнала! Величественный старинный замок, история которого невольно волновала воображение и будила фантазии.

В свое время учитель истории рассказывал ей, что Виндзорский замок начали возводить еще при Вильгельме Завоевателе.

Чужеземного правителя привлек вид: крутой утес, взметнувшийся вверх на самом берегу реки. С такой высоты легко взирать на покоренный народ, подавляя его своим величием и заставляя трепетать перед силой норманнских завоевателей.

– Должно быть, люди ненавидели его всей душой, – задумчиво обронила Тильда, словно разговаривая сама с собой.

– Тильда! Да ты меня совсем не слушаешь! – тут же возмутилась мать. – О чем я только что говорила?

– Прости, мамочка! Я действительно задумалась о своем.

– Вот так всегда! Ты всегда думаешь только о своем! – немедленно принялась читать нотацию принцесса Присцилла. – Изволь выслушать меня еще раз.

– Да, мамочка.

– Предупреждаю, отныне и впредь тебя зовут Виктория, и только Виктория! Позволю напомнить тебе, что именно это имя, в честь Ее Величества королевы Виктории, ты получила при крещении. Что вполне естественно, ведь Ее Величество была твоей крестной матерью.

– Терпеть не могу это имя! Фи! Виктория!

– Твоему отцу тоже не нравилось имя Виктория. Потому дома мы стали звать тебя твоим вторым именем: Матильда. А уже потом сократили до Тильды.

– И мне очень нравится, когда меня называют Тильдой!

– Все твои «нравится» и «не нравится» отныне не имеют никакого значения! Тебе ясно, Тиль... то есть я хотела сказать, Виктория?

– Ну вот, мамочка! – улыбнулась Тильда. – Ты и сама запуталась в моих именах. Боюсь, ты так и не научишься называть меня Викторией. Право же, давай оставим все эти сложности для жителей Обернии.

– Да, для твоих будущих подданных ты, конечно же, с самого начала будешь только Викторией! И помни, сама королева Виктория занималась устройством твоего бракосочетания.

– Да, мамочка!

– Такая честь! Ты должна гордиться оказанной тебе честью!

Тильда снова промолчала.

– Немногие девушки в твоем возрасте могут похвастаться, – продолжила принцесса, несколько раздосадованная тем, что дочь никак не отреагировала на ее последнюю реплику, – что они выходят замуж за правящего монарха в стране, играющей столь важную роль в Европе.

– Но она так далеко от нашего дома, эта страна, – грустно пробормотала Тильда.

Пожалуй, она бы могла добавить и еще кое-что, но в этот момент карета выехала за город, и Тильда наконец увидела замок. Он был именно таким, каким она его себе и представляла: величественным и прекрасным. И сразу же воображение стало рисовать ей красочные картины рыцарских турниров, которые устраивались когда-то прямо у стен королевского замка. Она прямо-таки увидела перед собой благородных рыцарей в богатых одеждах, с яркими, специально разукрашенными для участия в турнире щитами, и в центре каждого непременно красовался фамильный герб. Богатая конская упряжь, расшитые золотом седла, посверкивающие на солнце копыя и мечи, рукоятки которых покрыты чистым золотом. «Как бы мне хотелось увидеть все это собственными глазами, – подумала Тильда. – Должно быть, это было захватывающее зрелище! Среди зрителей множество прекрасных дам: ведь у каждого рыцаря была своя дама сердца. Этой даме он поклонялся, ее красоту воспевал в поэтических балладах, в ее честь он давал клятву победить на турнире, продемонстрировав не только личное мужество, но и галантность истинного кавалера».

Лошади медленно поднимались в гору. Сколько раз этой же дорогой въезжала в замок сама королева Елизавета. Какая незаурядная женщина, восхищенно подумала Тильда, перескочив сразу через несколько столетий. При всей своей внешней хрупкости она была сильна не только духом, но и поистине железной волей. Что не мешало Елизавете оставаться настоящей королевой, великой королевой, про которую подданные говорили, что она – само воплощение благородства и великодушия! И эта ее смешная страсть к пиву! Совершенно не вяжется с обликом сурового монарха.

Впрочем, королева славилась не только пристрастием к пиву. Ведь она была еще и отличной охотницей. Любила охотиться на оленей в здешних лесах и сама, собственной рукой, могла убить здоровенного четырехлетку.

Надо же! Все так восхищались королевой Елизаветой, преклонялись перед ее величием, а она так и не вышла замуж! Наверное, ей просто были не по душе те кандидаты в мужа, что претендовали на ее руку и сердце. Иного объяснения быть не может, подумала Тильда, и в этот момент карета остановилась.

– И последнее, Тильда! – взволнованно проговорила принцесса. – Ее Величество не видела тебя столько лет. Постарайся произвести на нее хорошее впечатление. И, пожалуйста, не забудь все то, о чем я тебе говорила.

– Постараюсь, мамочка.

Они вошли под высокие своды вестибюля, выдержанного в готическом стиле, и медленно двинулись по длинным коридорам, теряющимся в полумраке. Но Тильда все же успела разглядеть богатую резьбу, украшавшую карнизы и рамы бесчисленных картин. Наверняка над всем этим великолепием трудился сам Гринлинг Гиббонс. Едва ли Тильда смогла бы толком объяснить, почему искусство знаменитого резчика всегда так волновало ее. Листья деревьев, плоды, рыбы, дичь – все на первый взгляд хаотично и разбросано в живописном беспорядке, но одновременно подчинено строгой симметрии некоего высшего замысла. Стоило Тильде лишь взглянуть на эти великолепные композиции, и она буквально чувствовала, как в душе волнами поднимается какое-то странное томление, словно в предвкушении чуда.

Впрочем, созерцание прекрасного всегда приводило Тильду именно в такое состояние: она замирала в немом восторге и забывала о времени.

Их процессия, возглавляемая мажордомом, который шествовал впереди с торжественно важным и непроницаемым выражением лица, проследовала далее. От Тильды не ускользнуло, что мать заметно нервничает. Это было видно хотя бы по тому, как глубоко принцесса втянула губы и плотно сжала их – привычка, которая безошибочно указывала на то, что она волнуется. А еще мама беспрестанно теребила руками то шарф, то ридикюль, то воланы на платье.

«Мамочка, возьми себя в руки! – хотелось сказать Тильде. – Неужели ты думаешь, что королева тебя съест?»

Но она знала, что подобное замечание только усилит нервозность матери, а куда уж больше?

Однако странно, подумала она, что королева Виктория принимает их в Виндзорском замке. Долгие годы после смерти любимого мужа, принца-консорта Альберта, она категорически отказывалась покинуть свою резиденцию в Осборне, предпочитая коротать там время в полном одиночестве. Но политические события последнего времени, в том числе и усилившаяся напряженность в отношениях с Россией, вынудили вдовствующую королеву нарушить уединение. Более того, все придворные и государственные мужи в один голос твердили, что в королеву Викторину словно заново вдохнули жизнь. Она снова стала деятельной и очень активной. Все эти люди никак не могли понять, что именно накал и острота политической борьбы, требовавшей постоянного участия королевы в оценке событий, в их предвидении и обобщении происходящего, и стали чем-то вроде тонизирующего средства, которое вернуло королеву к жизни.

Да, ей было немного жаль расставаться с уже ставшей привычной ролью одинокой и безутешной вдовы, «бедняжки», как называли ее за глаза придворные, но с прежним бездействием было покончено. Королева Виктория перебралась из Осборна в Виндзорский замок и с головой ушла в дела.

Теперь уже не министры принуждали королеву вникать во все хитросплетения государственной и политической жизни, а она сама понукала их двигаться вперед и вперед,

загружая все новыми и новыми поручениями, никому не давая расслабиться ни на минуту. Перемены, произошедшие с королевой, наверное, можно было частично объяснить и крепким сотрудничеством с нынешним премьер-министром Бенджамином Дизраэли, человеком, которого она любила и которому всецело доверяла. Много позже сам Дизраэли скажет об этом так: «Она вдохновляла своего премьер-министра, а он платил ей за это абсолютной преданностью».

Как бы то ни было, а перемены в дворцовой жизни были на руку и королевским министрам, и чиновникам, да и всем придворным и родственникам королевы, особенно сейчас, когда она поселилась так близко от Лондона, в Виндзоре.

Принцесса Присцилла так и сказала дочери, когда они садились на поезд, чтобы ехать в Виндзор.

– Какое счастье, что нам не придется проделывать это утомительное путешествие в Озборн. Так далеко и так неудобно туда добираться. Даже не знаю, как бы я рискнула оставить твоего отца одного на столь продолжительное время.

Герцог Фортгемптон, знатность которого была столь неоспорима, что ему даже милостиво позволили вопреки сложившимся традициям и строгим правилам придворного этикета жениться на представительнице королевской фамилии, внучатой племяннице самой королевы Виктории, так вот, герцог всегда отличался слабым здоровьем. Наверное, исключение из правил для него было сделано еще и потому, что жених был одним из богатейших людей страны.

Как бы то ни было, брак, устроенный по расчету, оказался на редкость счастливым. Одна беда, герцог был значительно старше своей молодой супруги, и то ли поэтому, то ли были и другие причины, но в семье подрастал лишь единственный ребенок, дочь Виктория Матильда. А следовательно, титул и все огромное состояние герцога со временем должны были неизбежно перейти по наследству к кому-нибудь из его ближайших родственников по мужской линии.

То, что королева вдруг вспомнила о крестнице, стало для герцога и его жены настоящим сюрпризом. Впрочем, судя по всему, за матримониальными планами, созревшими в голове королевы в отношении ее крестницы и молодого князя Обернии, скрывались и вполне определенные политические прожекты, касавшиеся уже будущего самого княжества и его статуса на карте Европы.

– Как это похоже на нашу великую королеву! – воскликнула герцогиня, когда они с мужем обсуждали письмо, полученное несколько позднее от венценосной родственницы. В нем королева уже без обиняков проинформировала супругов, что занимается устройством брака Виктории Матильды и князя Максимилиана, который сравнительно недавно вззошел на престол и стал царствующим монархом Обернии.

– Что ты хочешь сказать? – недовольно поморщился герцог.

– То и хочу! Я ведь была уверена, что королева Виктория начисто забыла о существовании нашей Тильды. Когда мы в последний раз навещали ее в Озборне, она даже ни разу не заговорила с девочкой. И вдруг как гром среди ясного неба. Тильда выходит замуж.

– Что ж, в любом случае для нас предложение Ее Величества большая честь.

– Дай бог, чтобы наша дочь была того же мнения, – вздохнула герцогиня.

Тильду новость о предстоящем замужестве несказанно удивила, но она не стала возражать, как того опасалась мать, зная норовистый характер дочери. Впрочем, Матильда всегда была непредсказуема.

Герцогиня никак не могла понять одной простой вещи: восемнадцатилетней девушке уже до смерти наскучила размеренная жизнь в поместье Фортгемптон, которую они вели. Такое существование очень смахивало на самое настоящее тюремное заключение. Разумеется, юной Тильде не давали скучать: целая вереница гувернанток и преподавателей, разно-

образные рукоделия и прочие занятия. И все ей нравилось, и все она делала с интересом. А еще обожала верховую езду. Вот только охотиться ей было категорически запрещено. А кататься верхом – сколько угодно! Отец даже выделил ей двух лошадок, которые своей резвостью разительно отличались от полусонных кляч, на которых обычно катались верхом молоденькие девушки.

Поскольку прогрессирующий артрит практически превратил герцога в инвалида, приковав его к креслу, и речи быть не могло о том, чтобы начать вывозить Тильду в свет, тем более устроить бал по случаю ее великосветского дебюта в Лондоне.

Правда, один раз ее все-таки свозили в столицу, но исключительно для участия в официальной церемонии представления королеве в тронном зале Букингемского дворца. Королева почтила своим присутствием только начало вечера. А потом удалилась в свои покои, оставив вместо себя на правах хозяина старшего сына и наследника принца Уэльского и его красавицу жену, датскую принцессу Александру.

Тильда была представлена Ее Величеству в самой первой группе дебютанток, куда входили исключительно представительницы королевской фамилии. Все остальное на этом приеме показалось Тильде ужасно скучным и донельзя заформализованным придворным этикетом. Впрочем, чего еще ожидать от официального приема во дворце?

Тогда же Тильда впервые заметила, что в присутствии членов королевской семьи все остальные делаются не похожи на самих себя. У некоторых даже голос меняется. А поскольку ее мать тоже была особой королевских кровей, то и с ней беседу вели столь же неестественным тоном, да еще и на всякие скучные темы.

Мажордом, в сопровождении которого они прошествовали по анфиладам парадных зал, замер перед дверьми, ведущими в личные покои королевы Виктории. Какое-то время пришлось подождать. Потом их провели в небольшую гостиную. Королева сидела в кресле у столика, застланного плюшевой скатертью с бахромой.

По своему обыкновению она была одета в довольно бесформенное платье из дорогого, переливающегося на свету черного атласа, на голове – вдовий чепец, на ногах – начищенные до блеска черные башмачки. Словом, королева выглядела такой, какой и представляла себе Тильда: старой и внушающей почтение дамой.

Глядя на эту маленькую женщину, трудно было представить, что она правит огромной империей и состоит в родстве практически со всеми царствующими домами Европы.

Принцесса Присцилла успела рассказать дочери, что в четырех комнатах, которыми обычно пользуется королева в качестве личных покоев, находится более двух с половиной сотен картин и еще больше фотографий ее дальних и близких родственников. И всю эту галерею королева неизменно берет с собой, переезжая из одного дворца в другой: из Виндзора в графство Абердиншир, где стоит еще один королевский замок Балморал, оттуда – в Озборн и снова в Виндзор.

Фотографии стояли повсюду: на письменном столе, на журнальном столике, на столике для рукоделия. Тильда разглядела рамочки с фотографиями даже среди тяжелых складок драпри из пурпурной парчи. Они стояли среди пачек с письмами, папок с нотами, подпирали пресс-папье, притаились за массивной чернильницей, уютно разместились среди ножичков для перьев рядом с «Именинной книгой королевы».

Эту книгу, испещренную подписями посетителей, королева тоже всюду брала с собой, куда бы ни ехала. А потому многие, увидев книгу в руках монарха, принимали ее за Библию.

Трудновато будет запечатлеть в памяти все мелочи убранства комнаты, подумала Тильда, да и облика самой королевы тоже. Ведь нужно постоянно держать в голове наставления, которые дала ей мать накануне аудиенции.

Принцесса уже склонилась до самого пола в глубоком реверансе, потом поднялась, поцеловала руку Ее Величества, завершив ритуал поцелуем в щечку.

– Так вот она какая, наша Виктория! – проговорила королева неожиданно высоким, почти визгливым голосом.

И, вперив немигающий взгляд в Тильду, принялась пристально разглядывать девушку, пока та отвешивала дежурный реверанс, целовала бледную руку в синих прожилках вен и прикладывалась к прохладной мягкой щеке.

– Да, мэм! Это наша Виктория! – задыхаясь от волнения, эхом отозвалась принцесса Присцилла.

– Я хочу поговорить с тобой, Виктория!

– Да, мэм!

Начало не сулило ничего хорошего. По собственному опыту Тильда прекрасно знала, что взрослые начинают разговор с подобной фразы, как правило, лишь в тех случаях, когда хотят сообщить что-то неприятное или отчитать за очередной проступок.

– Надеюсь, родители уже сообщили тебе о предстоящей свадьбе с князем Максимилианом, который является правителем Обернии.

– Да, мэм!

– Хочу особо подчеркнуть, что этот брак очень важен по нескольким причинам.

– Да, мэм.

– Во-первых, я считаю князя Максимилиана достойным кандидатом на роль жениха для английской невесты, к тому же моей родственницы.

– Нет сомнений, князь по достоинству оценил оказанную ему честь! – подала голос принцесса Присцилла. Но королева никак не отреагировала на реплику. Более того, она даже не соизволила взглянуть на принцессу, продолжая пристально разглядывать лицо Тильды.

– Вторая причина, по которой я считаю этот союз желательным и даже необходимым, – проговорила она так, будто бы даже не слышала слов, сказанных принцессой, – это сама Оберния. Княжество играет очень важную, можно сказать ключевую роль в нашей политической стратегии касательно Европы в целом.

Тильда выжидательно подняла на королеву свои голубые глаза. А вот это уже интересно, подумала она, мгновенно обратившись в слух.

– Ты должна понимать, дитя мое, – продолжила королева, – что княжество, которое граничит с Австрией, Баварией и Вюртембергом, уже по своему географическому положению является решающим фактором для сохранения баланса сил в Европе. К тому же оно до сих пор остается независимым государством.

Королева замолчала, но отнюдь не в ожидании ответа.

– Пруссия во главе с кайзером Вильгельмом, – возобновила она свой монолог после короткой паузы, – и так уже поглотила более чем достаточно мелких государств вокруг себя. Это вызывает беспокойство и заставляет нас с некоторой настороженностью воспринимать общую ситуацию на континенте.

Резкий тон не оставлял сомнений: королева крайне неодобрительно относится к происходящим переменам на политической карте Европы.

Принцесса Присцилла хорошо знала, что преобразование бывшей федерации немецких земель в единую империю очень не по душе королеве. Но куда более ее расстраивало поведение собственного внука, кайзера Вильгельма Прусского.

Все в семье знали о неумном честолюбии Вилли, умело подогреваемом его правой рукой князем Бисмарком и ближайшими родственниками со стороны отца. Вилли стал действительно невыносим! Из Берлина доносили, что внук достаточно одобрительно относится к неллицеприятным и даже оскорбительным выпадам в адрес собственной матери, старшей дочери королевы, тоже Виктории, названной так в честь матери.

– Одного не могу понять, – задумчиво проронила королева Виктория, словно размышляя вслух, – почему Бавария так легко согласилась на предложение Бисмарка?

– Поговаривают, – снова решилась подать голос принцесса Присцилла, – что в то время, когда обсуждался вопрос о присоединении Баварии, у короля Людвига страшно болели зубы.

Ранее между Пруссией и Баварией существовала договоренность, что объединенной Германией будут править на паритетных началах прусский король и король баварский. Но последний без всяких видимых причин легко уступил это право Пруссии, предоставив ей возможность единолично распоряжаться всем и вся в объединенном государстве. Неужели самая обыкновенная физическая боль могла совершенно лишить монарха политической воли?

– Я в курсе, при каких досадных обстоятельствах принималось это решение, – сказала, как отрезала, королева.

Принцесса Присцилла вспыхнула от смущения.

– Но того, что свершилось восемь лет назад, уже не изменишь. Теперь Бавария – часть федеративного государства, и только. Вполне вероятно, у короля Людвига есть какие-то привилегии по сравнению с другими членами федерации, но не более. – Королева помолчала, а потом с нажимом закончила: – Вот почему так важно, чтобы Оберния любой ценой сохранила независимость. Ты понимаешь меня, Виктория? – проговорила королева с неожиданной горячностью в голосе. – Тебе предстоит важная, очень важная миссия. По существу, ты станешь нашим негласным посланником в этой стране. И именно тебе предстоит убедить мужа в том, что благо для Обернии – это сотрудничество с Великобританией, а не союз с Германией. В том числе и в долгосрочной перспективе! – Королева окинула девушку взглядом и вдруг воскликнула: – Ты еще так юна! Сущее дитя!

Что ж, Ее Величество констатировала лишь то, что видела перед собой. Тильда и в самом деле была похожа скорее на подростка, чем на взрослую девушку.

Белокурые волосы, отливающие неярким золотом первого весеннего солнца, глаза глубокого голубого цвета, заставляющие вспомнить о фарфоре, расписанном кобальтом. Эти выразительные глаза, казалось, заполняли все юное личико, похожее на нежный цветок. Да, глядя на столь хрупкое и грациозное создание, невозможно было представить его в роли взрослой замужней женщины. Слишком молода для замужества, подумала королева.

– Виктории уже восемнадцать, мэм! – несколько нервно проговорила принцесса Присцилла, словно прочитав мысли королевы.

– Что ж, в восемнадцать я уже стала королевой, – вздохнула Виктория. – И тоже, кстати, выглядела очень юной.

– А вы сильно испугались, когда вам сообщили, что вы – королева? – вдруг спросила Тильда.

Принцесса испуганно замерла. Господи, мелькнуло у нее в голове, она же сто раз предупредила дочь не лезть к Ее Величеству с дурацкими вопросами. Все ведь знают, как не любит королева, когда ей надоедают пустыми разговорами.

Однако, к своему удивлению, она вдруг услышала, как королева спокойно отвечает на вопрос Тильды:

– Да, когда в шесть часов утра меня разбудила мать и сказала, что в гостиной меня ждут архиепископ Кентерберийский и лорд Конигем, чтобы сообщить нечто очень важное, то в первую минуту я действительно очень испугалась.

– Они приготовили вам самый настоящий сюрприз, – пробормотала вполголоса Тильда. Она смотрела на королеву широко распахнутыми глазами, вся обратившись в слух.

– Я мигом вскочила с кровати, набросила халат и в таком виде вышла в гостиную. Лорд Конигем, на тот момент лорд-гофмейстер королевского двора, сообщил мне, что Его Величество король, мой бедный дядя, скончался и отныне трон переходит ко мне.

Тильда затаила дыхание.

– Представляю, каким потрясением стало для вас это известие, мэм!

– Да, так оно и было. Но я с самого начала была преисполнена решимости стать хорошей королевой для своих подданных. – И, словно спохватившись, что чересчур разоткровенничалась с юной крестницей, королева подвела черту под своими воспоминаниями: – Этого же я жду и от тебя, Виктория! Стать хорошей княгиней для подданных твоего княжества. И при этом оставаться преданной своему отечеству. Запомни, как бы тебя ни величали впредь, какое бы высокое место ты ни занимала, в твоих жилах течет английская кровь. Моя кровь!

– Я буду помнить об этом всегда, мэм!

Обменявшись еще несколькими фразами с принцессой и ее дочерью, королева дала знак, что аудиенция закончена.

Дамам накрыли легкий завтрак, который они разделили с двумя фрейлинами Ее Величества, после чего карета доставила их на вокзал, и они снова сели в поезд, отправляющийся в Лондон.

– Слава богу, все позади! – с облегчением воскликнула принцесса Присцилла, поудобнее устраиваясь у окна на диване в купе специально зарезервированного для них вагона.

– А ты очень робела перед ней, мама, – не удержалась Тильда. – Не понимаю, почему вы все так боитесь королеву Викторию?

– Потому что боимся, – коротко ответила принцесса. – Тебе, можно сказать, повезло. Ее Величество была очень любезна с тобой. А вообще-то она легко может нагнать страху на человека!

– Так и надо! Королева должна внушать своим подданным благоговейный трепет. Боюсь вот только, – Тильда звонко рассмеялась, – едва ли у меня получится внушить страх своим подданным.

– Ну, во-первых, тебе предстоит стать не королевой, – тут же не преминула поправить ее принцесса. – Ты будешь царствующей княгиней. Одного не возьму в толк! – добавила она с некоторой досадой. – В Европе столько королей и великих герцогов. Неужели же нельзя было сделать князя королем или хотя бы великим герцогом Обернии!

– Наверное, его княжество слишком крохотное, – предположила Тильда.

– Ты говоришь непозволительные вещи в адрес страны, которая скоро станет твоей второй родиной! – укоризненно упрекнула дочь принцесса Присцилла.

– Но она же ведь и в самом деле совсем маленькая, эта Оберния, мамочка! – упорствовала Тильда.

– Зато она играет важную роль в европейских делах. И Ее Величество достаточно ясно объяснила тебе почему.

– Папа мне уже давно все это рассказал. Одно меня занимает, но я так и не рискнула спросить об этом королеву. Есть ли среди множества фотографий, расставленных по всей комнате, фотография князя Максимилиана.

– Я же говорила тебе, Тильда! У королевы нет фотографии князя. Повелитель Обернии не любит фотографироваться и никому не позволяет себя снимать.

– Но почему? – искренне удивилась Тильда.

– А я отлично понимаю князя! С какой стати он должен позволять кому-то копировать свое изображение на сотнях снимков, и все на потеху толпе!

– А вдруг настоящая причина вовсе не в этом?

– Вот познакомись с князем Максимилианом, и, я уверена, он сам расскажет тебе об истинных причинах своего нежелания фотографироваться.

По тону, которым были сказаны последние слова, Тильда ясно почувствовала, что у матери на сей счет имеются собственные соображения, которыми она отнюдь не собирается делиться с дочерью.

Странно! Все вокруг так любят запечатлеть себя на фотографиях, так сказать, для истории и для будущих потомков, а вот князь категорически отказывается обессмертить свой облик с помощью фотокамеры.

Нынче ведь в каждом доме полно фотографий. Взять хотя бы королеву Викторию. Вся комната заставлена фотографиями в серебряных рамочках, а стены сплошь завешаны портретами. На письменном столе нет ни дюйма свободного места от всех этих рамок. Даже некуда положить перо или бумагу. Одним словом, вся королевская родня страшно любит фотографироваться.

– Хоть бы разок взглянуть на него, узнать, каков он из себя, – примирительно проговорила она вслух.

– Я видела князя в последний раз, когда он еще был ребенком, – поспешно, пожалуй чересчур поспешно, как показалось Тильде, ответила принцесса. – Тогда он был очень красивым мальчиком. Да и сейчас, по отзывам очевидцев, князя считают весьма привлекательным мужчиной.

Если он такой красавец, подумала про себя Тильда, тогда эта странная застенчивость вообще непонятна. Почему он не хочет, чтобы его красотой любовались другие?

На некоторое время в купе воцарилась тишина, был слышен только мерный перестук колес да свист паровозного гудка.

– А мою фотографию князь видел? – снова нарушила молчание Тильда.

– Видишь ли, когда твой отец обсуждал все детали предстоящего бракосочетания, он поинтересовался, будет ли совершен обмен портретами. На что ему сообщили, что князь Максимилиан не позволяет ни фотографировать себя, ни рисовать, а потому у них нет подходящих для обмена изображений монарха Обернии. И тогда папа решил, что в сложившихся обстоятельствах не стоит навязываться ему с твоими фотографиями, теми, последними, что были сделаны в январе. Князь может счесть подобный жест нарушением этикета.

– Иными словами, он хочет покупать кота в мешке, да?

Принцесса вздрогнула и резко выпрямилась.

– Ах, боже мой, Тильда! Что ты такое говоришь? Слышать подобную вульгарность из уст собственной дочери! Остается только удивляться, где ты могла нахвататься подобных выражений.

– Но, мамочка, если оставить в стороне форму, то по сути так оно и есть. Разве я не права?

– Я отказываюсь продолжать разговор на эту тему! – отрезала мать. – Если тебя так занимает твое предстоящее бракосочетание, у нас есть что обсудить. Пройдемся для начала по списку приданого. Он еще, кстати, окончательно так и не составлен.

– А вот это мне совсем неинтересно, – чистосердечно призналась Тильда. – У меня полно нарядов, куда уж больше. Всех этих платьев мне хватит на двести лет! – Она вздохнула и почти с вызовом добавила: – Ты только представь, мама, каково будет лет через десять носить давно уже вышедшее из моды платье! Ужас!

Принцесса недовольно поджала губы.

– Я вообще отказываюсь понимать, Тильда, что с тобой творится в последнее время. С подобными мыслями в голове недолго и до революции. Всей душой надеюсь, что отец никогда не услышит от тебя подобных речей. Представляю, как бы это его расстроило!

– Мамочка! Но неужели тебе, когда ты сама была молодой, никогда не хотелось сделать или сказать что-то такое, что шло бы вразрез с тем, чего от тебя ждут?

Принцесса сделала вид, что не расслышала вопроса, и Тильда продолжала:

– Вот, к примеру, когда тебе сообщили, что ты выходишь замуж за папу, разве тебе в первую минуту не захотелось убежать и спрятаться? И вообще... Неужели ни разу в жизни ты не хотела перестать быть собой и превратиться, скажем, в другого человека?

– Никогда! – стальным голосом отчеканила принцесса. – А что касается твоего отца, то я с самого начала была счастлива стать его женой, а потому была преисполнена благодарности ко всем, кто занимался устройством нашего союза. У меня ведь, в отличие от тебя, было пять младших сестер, и мои родители очень беспокоились, смогут ли они найти достойные партии для всех дочерей.

Голос принцессы заметно потеплел, и она унеслась мыслями в прошлое.

– Мне было уже двадцать пять, когда мне позволили выйти замуж, причем, заметь, не за представителя королевской фамилии. Но я была счастлива, что стану женой такого замечательного и доброго человека, как твой отец.

– И ни малейшего протеста с твоей стороны? – все никак не могла успокоиться Тильда.

– Ни единого! – в голосе принцессы снова зазвучали стальные нотки. – Того же я жду и от тебя! Обещай мне, Тильда, что ты выбросишь этот бред из головы.

Тильда промолчала.

– Ты еще сама не понимаешь, как тебе повезло! – продолжила мать. – В столь юном возрасте выйти замуж за царственную особу, да еще правящую страной!

– Мамочка, а ты уверена, что князь Максимилиан хочет на мне жениться?

– Да все эти карликовые государства на континенте спят и видят, чтобы заполучить в жены для их правителей кого-нибудь из родственников Ее Величества! Англия – это великая империя, ее влияние в мире огромно. Ее доброго расположения к себе ищут все страны. Они ведь надеются не только на нашу дружбу, но и просят о финансовой помощи, о политической поддержке, наконец.

– А Германия тоже просит?

– И Германия тоже! – подтвердила принцесса Присцилла, правда, уже менее уверенным тоном.

– Князь Бисмарк, должно быть, выдающийся человек. Он сумел объединить Германию. И вот уже и Ганновер, и Кассель, и даже Бавария исчезли с карты в качестве самостоятельных государств.

– Меня радует твоя осведомленность.

– О, это в первую очередь заслуга моего преподавателя истории. Ты ведь сама распорядилась, чтобы мне прочитали курс по истории Европы. Вот он и нафаршировал меня всякими фактами и датами, словно я какой-нибудь страсбургский гусь.

– Я глубоко уважаю профессора Шиллера и восхищаюсь его познаниями в области истории, – согласилась с Тильдой мать. – Надеюсь, ничто не помешает ему сопровождать тебя в Обернию, как мне бы того хотелось.

– Но мама! Неужели ты хочешь, чтобы я всю дорогу делала уроки и зубрила историю?

– Дополнительные занятия пойдут тебе только на пользу! Папа уже договорился с вдовствующей леди Крукерн, и она любезно согласилась стать твоей компаньонкой на время путешествия и одновременно твоей фрейлиной.

– О нет! Только не она! – запальчиво воскликнула Тильда. – Она же такая старая, эта леди Крукерн. И потом, ей все не нравится. Она слова доброго ни о ком не сказала! Во всяком случае, я ни разу не слышала.

– Зато она много поехала по свету. Ведь ее покойный муж был одно время нашим послом в Вене. А потому она отлично знакома с этикетом, а это очень важно для тебя. Ты должна научиться всем тонкостям придворного этикета, чтобы избежать досадных ошибок и промахов, когда приедешь в княжество. Да и потом, когда уже станешь супругой правящего монарха.

– Леди Крукерн и профессор Шиллер! Веселенькая компания, ничего не скажешь! Честное слово! После путешествия в их обществе я с радостью брошусь в объятия князя Максимилиана, каким бы он ни был, этот таинственный князь.

– Очень на это надеюсь, моя милая! Не сомневаюсь, ты будешь счастлива с ним. Ах, какая жалость, что я не могу лично сопроводить тебя к будущему мужу, – принцесса вздохнула. – Но твой отец! Я не рискну оставить его одного.

– Конечно, мамочка! Я все понимаю, не переживай! Хотя с тобой мне было бы намного приятнее, чем с профессором и леди Крукерн.

– Свита в подобных случаях очень важна. В твоём окружении должны быть почтенные и уважаемые люди, а ведь такие путешествия стоят не дешево. – Принцесса издала очередной вздох. – К сожалению, в настоящее время мы не располагаем возможностью увеличить численность свиты. Только минимум, приличествующий твоему положению. Плюс два экипажа и шесть лошадей. На это тоже уйдет куча денег.

Несмотря на свои несметные богатства, герцог славился скупостью и не любил швыряться деньгами направо и налево, особенно за пределами собственных владений. Принцессе стоило немалых усилий выжать из мужа сумму, достаточную для того, чтобы приготовить дочери приличествующее приданое.

– Два экипажа? – удивилась Тильда. – Но зачем?

– В одном поедет твоя прислуга и багаж. К тому же, помимо приданого, тебе еще преподнесут множество свадебных подарков, пока ты будешь путешествовать по Европе. Их тоже ведь надо как-то доставить в Обернию.

Принцесса подняла руку и принялась загибать пальцы.

– Итак! Два экипажа, четыре кучера, по два на каждый, два лакея – итого шесть слуг. Плюс еще четверо верховых, сопровождающих экипажи. Даже в наш просвещенный век в дороге может случиться что угодно. Могут напасть бандиты, всякие грабители.

– Как интересно! – воскликнула Тильда, и у нее загорелись глаза.

– Будем надеяться, что твой интерес никогда не трансформируется в личный опыт. Верховые, которых отобрал твой отец, умеют обращаться с оружием. Они отличные стрелки и сделают все от них зависящее, чтобы доставить тебя к будущему мужу в целостности и сохранности.

– Такая долгая дорога!

– Да, путь не близкий! – согласилась с Тильдой мать. – Но вы будете делать остановки. Ведь во время путешествия тебе предстоит навестить множество родственников. Начнешь с Голландии. Именно туда тебя доставит британское судно. Потом наведишь баварского короля Людвига, а там уже и до Обернии рукой подать.

– О, я всегда мечтала познакомиться с королем Людвигом! Он такой интересный человек, должно быть!

Принцесса открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут же снова закрыла и только недовольно поджала губы. Тильда поняла, что мать отнюдь не в восторге от нынешнего короля Баварии Людвига II.

Саму Тильду, напротив, уже давно занимала личность короля: его любовь к музыке была известна всем. Ведь он даже построил специальный театр для Рихарда Вагнера, где ставились исключительно оперы его любимого композитора. Если судить по фотографиям, то король хорош собой, но красота его какая-то уж очень бесплотная, почти неземная. И вообще, бледное и несколько изможденное лицо баварского короля наводило на мысль, что он и в самом деле немного не от мира сего.

Но все равно, так заманчиво – собственными глазами увидеть один из знаменитых дворцов, о которых столько разговоров: одни критикуют, другие восхищаются. А уж какое-то время там пожить – и вовсе предел мечтаний! Интересно, каким будет дворец, в котором ей предстоит провести оставшуюся жизнь? И, что еще важнее, каков ее будущий муж?

– Очень надеюсь, Тильда, что во время путешествия ты покажешь себя с самой лучшей стороны, – проговорила принцесса Присцилла. – Помни, о чем тебе только что говорила

королева. Ты наш посланник в этой далекой стране, и от того, как ты станешь вести себя в своем новом качестве, зависит и то, сможешь ли ты в полной мере оправдать возлагаемые на тебя надежды.

Принцесса бросила короткий взгляд на дочь и с трудом подавила очередной вздох. Да уж! Ее Тильде действительно больше пристало развлекаться на каком-нибудь детском пикнике на лоне природы, а не замуж выходить, да еще за царственную особу. Совсем ребенок! Ей бы в куклы играть, цветочки на лугу собирать, а тут высшие политические соображения, хитроумные придворные интриги. Как то она справится с обязанностями взрослой замужней женщины?

Неожиданно для себя самой принцесса вдруг почувствовала прилив материнской нежности.

– Ах, доченька! – начала она, и голос ее от волнения дрогнул. – Если бы ты знала, как я хочу, чтобы ты была счастлива!

Тильда беззаботно улыбнулась в ответ.

– Не переживай так, мамочка. Думаю, на самом деле все это не так уж и страшно.

Глава 2

– Какой прекрасный замок! – воскликнула Тильда, когда они наконец прибыли в Линдерхоф. – Именно таким и должен быть настоящий королевский дворец!

Она все повторяла и повторяла эти слова, пока они осматривали внутреннее убранство замка. Фантастической красоты сооружение, которое король Людвиг приказал воздвигнуть в альпийской долине Грасванг.

– Дворец Линдерхоф назван так в честь старинной липы, которая когда-то росла на этом месте, – пояснил высоким гостям личный адъютант короля, сопровождавший их во время осмотра дворца. – Трудно поверить, но когда-то на этом месте стоял всего лишь крохотный охотничий домик.

– Фантастика! – снова не удержалась от восклицания Тильда. – Этот дворец невероятно прекрасен.

– Строительство было завершено только в нынешнем году, – продолжал адъютант. – Его Величество, на которого в свое время произвели впечатление Версаль и Трианон, задался целью воздвигнуть подобное архитектурное чудо, но уже у себя на родине, в Баварии. Он мечтал о шедевре! И вот его мечта осуществилась. Настоящая жемчужина в обрамлении Альпийских гор.

– Насколько я помню, – вступил в разговор профессор Шиллер, – король так и написал в письме, обращаясь к архитектору, которому был заказан проект дворца: *«Я хочу, чтобы Вы сотворили рай, создали поэтически прекрасный уголок, в котором можно было бы хоть ненадолго забыть и отдохнуть душой и сердцем от всех тягот и тревог нашего ужасного века».*

– Это и правда рай! – взволнованно проговорила Тильда.

Белоснежный дворец с изысканными украшениями в барочном стиле, компактный, изящный, он напомнил ей своей дивной красотой волшебные замки, о которых она мечтала в детстве, когда ей читали сказки.

Им показали даже королевскую спальню. Огромная резная кровать, украшенная золотом, под балдахином из синего бархата, в окружении купидонов, каждый с короной в руках. Тильда подумала, что и сама была бы не прочь провести хотя бы одну ночь в такой кровати.

От созерцания других красот тоже захватывало дух. Анфилада комнат с горками, уставленными изысканным фарфором в бледно-розовых, голубых, кремовых и розовато-лиловых тонах, беседка в мавританском стиле, грот Венеры, невообразимой красоты резные сани, отделанные золотом, в которых король совершает зимние поездки из одного замка в другой.

Вот только, к вящему разочарованию Тильды, самого короля на месте не оказалось. А ей так хотелось познакомиться с королем Людвигом. Она уже даже нарисовала в своем воображении истинного романтического героя, как их описывают в книжках.

Но король недаром славился замкнутым образом жизни. Больше всего на свете он любил уединение, а уж встречаться с иностранцами – терпеть не мог. И потому Тильда не особенно удивилась, узнав, что Его Величество отбыл на озеро Кимзее. Наверное, я для него недостаточно важная особа, чтобы удостоить меня личной аудиенцией, с грустью подумала Тильда.

На самом же деле король поехал на Кимзее, чтобы своими глазами посмотреть, как идут дела на строительстве нового дворца, который, по замыслу его авторов, должен был окончательно посрамить красоты Версаля. Но как бы то ни было, а Линдерхоф, даже в отсутствие короля, произвел на Тильду неизгладимое впечатление. И какой приятный контраст со всем, что ей довелось увидеть, путешествуя по Европе. Вообще-то поездка оказалась не только скучной, но и весьма утомительной. Дороги повсюду были плохими, и экипажи едва

тащились. Лишь Голландия составила приятное исключение: тамошние дороги почти не отличались от английских. Придорожные гостиницы, где меняли лошадей, отпугивали грязью, прислуга проявляла чудеса нерасторопности, а дворцы, где обитала ее родня, удручали затрапезностью, если не сказать больше.

Тильда и сама не сумела бы толком объяснить, что именно так разочаровало ее во всех этих родственниках, но от одного их вида можно было тут же впасть в самое глубокое уныние. Особенно это относилось к королям и герцогам, чьи владения были поглощены в ходе объединения Германии, а вместе с ними безвозвратно канули в Лету и бывшие привилегии их монархов, все величие и власть правителей карликовых государств.

Мать предупреждала Тильду о таком повороте событий, напутствуя ее следующими словами:

– Помни, Тильда! Монархам таких государств ты должна выказывать даже больше почтения, чем самой английской королеве. Они особенно щепетильны во всем, что касается протокола. Бедняжки надеются, что этикет хоть как-то поможет им сохранить лицо и показать свою важность на людях.

Очень скоро Тильда убедилась в правоте материнских слов.

Она была вынуждена часами выстаивать перед королем и его супругой, к которым завернула, путешествуя по Европе, только потому, что придворный этикет не допускал такой фамильярности, как сестра в присутствии королевских особ. Все речи монаршей четы были искусственными, разговор то и дело угасал, а задать вопрос, чтобы хоть как-то оживить беседу, было просто невыносимо. Тебя тотчас же встречал откровенно неодобрительный взгляд.

Единственный человек, который получал истинное наслаждение от поездки, была вдовствующая леди Крукерн. Возможно, приподнятое настроение, в котором она постоянно пребывала, отчасти объяснялось тем, что, куда бы они ни приехали, пожилая фрейлина везде находила повод для раздражения и язвительных насмешек над тем, что видела вокруг себя. Она поносила всех и вся и что ни день получала новый материал для своего злопыхательства. Но самое ужасное, что в глубине души Тильда была вынуждена признать, что очень часто ее спутница была совершенно права.

Лишь один-единственный раз Тильда не выдержала и принялась ей перечить. Это случилось, когда леди Крукерн в своей обычной издевательской манере стала надсмехаться над браком голландского короля Вильяма II и принцессы Эммы. Да, это правда. Король был на сорок с лишним лет старше супруги. Но спустя год после свадьбы выяснилось, что королева вполне счастлива со своим пожилым мужем. Тильда безошибочно почувствовала атмосферу ничем не замутненного семейного счастья, когда они посетили королевский дворец в Амстердаме.

Больше нигде она не встретила подобного радушия и гостеприимства. Возможно, потому, что почти все остальные ее родственники были очень-очень старыми. Разве что великий герцог земли Баден-Баден, Фридрих I. Он был и молод, и хорош собой, но из-за ограничений, накладываемых этикетом, ей ни разу не удалось поговорить с ним с глазу на глаз. А все эти разговоры на публике так скучны, что невольно начинаешь зевать еще до того, как откроешь рот, чтобы произнести первое слово.

«Неужели я смогу вынести подобную жизнь», – с унынием размышляла Тильда, пока карета медленно катила по дорогам Европы, пересекая границы государств и княжеств. И вот они наконец в Баварии.

Линдерхоф приподнял Тильде настроение. И даже более. Красота этого крохотного архитектурного шедевра всколыхнула в ее душе волну тех же смутных предчувствий и надежд, которые она испытала, когда любовалась резными панелями и потолками в Виндзорском замке. А как романтично смотрелся грот Венеры, который соорудили по распо-

ряжению короля на живописном горном склоне! Туда даже провели электрический свет, который можно было при желании заставить мигать. Да и в самом дворце – электрическое освещение. Пожалуй, первое в Баварии строение, оснащенное электричеством.

На рукотворном озере, где можно было даже создать искусственные волны, горделиво плавала пара лебедей. К берегу была пришвартована лодка в форме золотой раковины, на которой король в сопровождении гребца любил совершать прогулки по водной глади.

Основным украшением парка, конечно же, был фонтан, мощные струи которого взмывали ввысь на несколько десятков метров. В парке было полно и других чудес и достопримечательностей: ажурная башенка, грабовые аллеи с аккуратно побеленными стволами деревьев, игрушечного вида пирамиды, живописные каскады, резные беседки и прелестные павильоны для тех, кто ищет уединения.

«Вряд ли я найду такие красоты в Обернии», – размышляла Тильда, осматривая парк. И зябко повела плечами при мысли, что каким бы прекрасным ни был тот дворец, в котором ей предстоит поселиться в скором будущем, его придется делить с мужем, князем Обернии.

По мере того, как приближался момент встречи с князем Максимилианом, она все чаще и чаще задумывалась о будущем.

В разговорах с родственниками тема предстоящего бракосочетания почти не поднималась, но вот то, что они говорили между собой, когда думали, что она их не слышит, откровенно пугало Тильду.

Она уже ни минуты не сомневалась в том, что князь, о котором даже ее собственная мать предпочитала говорить лишь в самых обтекаемых выражениях, так и не ответив на прямой вопрос дочери, почему он не любит фотографироваться, так вот, этот человек имеет множество странностей. Недаром при одном только упоминании имени князя Максимилиана вся родня тут же пускалась в уклончивые речи, в точности как и принцесса Присцилла, что лишь усиливало худшие подозрения Тильды. Собственно, общее настроение даже трудно было выразить словами. Одно ей было совершенно ясно: родственники неодобрительно относятся к князю Максимилиану и откровенно жалеют ее саму. Однажды в гостиной королевского дворца в Ганновере она услышала, как король Георг, длинноносый здоровяк с роскошными бакенбардами, сходящимися вместе, образуя некое подобие бородки, воскликнул в сердцах, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Ума не приложу, как им могла прийти в голову такая нелепость – выдать это невинное дитя за князя Максимилиана! Этого категорически нельзя было де...

Но тут король заметил Тильду и, поняв, что она услышала его слова, сконфуженно умолк, разразившись несколько неестественным кашлем. А потом и вовсе ретировался, предоставив жене самостоятельно заглаживать возникшую неловкость.

После того случая Тильда стала внимательнее прислушиваться к тому, что говорилось вокруг.

Судя по отдельным словам и обрывкам фраз, чаще всего произносимых шепотом или полупшепотом, которые до нее долетали, правда о будущем муже была неутешительной.

– Это преступление! Неужели они надеются...

– Как только Присцилла могла дать согласие? Ведь ей-то должно быть известно...

– Бедное дитя! У меня сердце кровью обливается при мысли о том, что она обнаружит...

«Что они все так старательно скрывают от меня, – недоумевала Тильда, – и что не так с этим странным правителем Обернии?»

К сожалению, оба ее спутника не были лично знакомы с князем Максимилианом. Они даже в глаза его не видели. А потому расспрашивать профессора Шиллера или леди Крукерн о том, что значат эти таинственные недомолвки родственников, не имело никакого смысла. К тому же леди Крукерн, поднаторевшая в тонкостях дипломатического этикета за годы внеш-

неполитической службы мужа, никогда не позволила бы себе сказать по поводу князя что-то такое, что могло бы его унижить или представить в дурном свете.

Итак, во всем надо было разбираться самостоятельно. Одно было ясно: с человеком, которого ей прочат в мужья, что-то неладно. Но что именно? Может, он калека? Или даже урод? Но нет! Все в один голос твердили, что князь – настоящий красавец. Такой же, как и баварский король Людвиг. Что ж, портреты, развешанные по залам Линдерхофа, свидетельствовали, что баварский король на редкость хорош собой, а потому подобные оценки отнюдь не являлись преувеличением. Но это про короля! А что же князь?

Чем ближе они подъезжали к Обернии, тем чаще Тильда корила себя за то, что не проявила настойчивости и не стала протестовать против навязываемого ей замужества. Конечно, толку от ее протестов было бы немного. Ведь родители были безмерно польщены той высокой честью, которую оказала их дочери королева, сосватав крестнице столь завидного жениха. Но она могла хотя бы настоять, чтобы ей показали портрет князя. В конце концов, можно было бы закатить небольшую сцену и заявить, что она даст согласие на объявление помолвки лишь после того, как князь самолично прибудет в Англию и познакомится с ней.

И Тильда тут же представила себе, сколько веских аргументов и доводов было бы незамедлительно найдено, чтобы оправдать нежелание князя совершить такую поездку.

– Он не может оставить страну в такое время!

– В отсутствие Его Величества Германия может угрожать независимости Обернии.

– Такая поездка займет слишком много времени, а свадьба намечена на начало июня.

И все эти отговорки, разумеется, были бы вполне обоснованными, а потому ей пришлось бы молча согласиться с родителями, покорившись их воле.

И все же какая нелепость, если хорошенько подумать! Разве можно в наше время выходить замуж за человека, не имея ни малейшего представления о том, как он выглядит? Другие монархи с радостью украшают своими портретами все подряд, даже чеканят монеты с собственным профилем. Впрочем, она же еще не видела, какие деньги ходят в Обернии. Вполне возможно, тамошние купюры тоже украшены портретами князя.

Линдерхоф со всеми его красотами пробудил в Тильде детские мечты о романтической и возвышенной любви. Такой дворец как нельзя лучше подходил для красивой любовной истории. Тильда представила, как она в новом нарядном платье прогуливается по роскошным дворцовым залам, сверкающим позолотой и хрусталем, где все, даже сами стены, навевают мысли о высокой и чистой любви. Она задумчиво остановилась возле одного из трюмо в зеркальном зале, созерцая собственное отражение, преломленное в десятках ракурсов. Сколько же здесь этих Викторий, подумалось ей. Сотни, нет, тысячи! И все такие маленькие, такие непредставительные! Тильда улыбнулась собственным мыслям. А чем она не подходит Линдерхофу? Она ведь такая же крошечная, как и этот сказочный замок. Вот только сказочного принца, который смотрел бы на нее влюбленным взглядом, увы, рядом нет.

И словно чья-то невидимая холодная рука сжала ее сердце, и она вдруг вспомнила все, что говорила ей мать о замужестве.

– Не стоит, Тильда, ждать от брака слишком многого. Ведь это – династический союз, то есть брак, так сказать, по политическим мотивам. А потому постарайся прежде всего подружиться со своим будущим мужем. Ты должна стать ему верным и преданным другом. Но и сама ты вправе надеяться лишь на взаимное дружеское чувство, и не более.

В то время когда мать читала ей подобные наставления, предстоящее замужество казалось еще таким далеким-далеким, а потому Тильда без страха смотрела в будущее, наивно надеясь, что у нее все будет по-другому. Они с князем встретятся и тотчас же влюбятся друг в друга.

К восемнадцати годам Тильда встречала не так уж много мужчин. Но по тем сверкающим взглядам, которые бросали на нее немногочисленные приятели и друзья отца, изредка навещавшие их родовой замок в Вустере, она догадывалась, что способна пробудить у представителей противоположного пола самые восторженные чувства. А там и до любви недалеко.

«Разумеется, князь обязательно придет от меня в восторг, – убеждала она себя. – А если он так хорош, как про него твердят, я тоже... и тогда...»

И при мысли о том, что может быть «тогда», у нее сладостно замирало сердце.

По ночам она без устали придумывала десятки самых захватывающих историй о том, какой счастливой и романтически прекрасной будет ее новая жизнь в Обернии.

Вокруг только улыбающиеся и счастливые лица, мечтательно рисовала она себе картинку будущей жизни. Она будет любить своих подданных, а те будут ее просто обожать. Но главное, ее будет любить князь. Конечно же, он будет любить ее! А как же иначе? И она полюбит его.

Но чем ближе Оберния, тем реже она строила по ночам свои воздушные замки. Очередная остановка в пути – и очередной обветшалый дворец. Оставаясь в спальне одна, Тильда невольно подмечала и потрескавшиеся стены, и облупившийся потолок с обвалившейся лепниной, и потертую скрипучую мебель, и разошедшиеся полы. И все чаще думала уже не столько о будущем, сколько мысленно воспроизводила в памяти гнетущую атмосферу очередного дворцового приема.

«Да, сир! Пожалуй, так, сир! Вы совершенно правы, сир!» – звучало в ушах. Господи, думала она с тоской. Да они-то и слов других не знают. Неужели и ей предстоит день за днем, год за годом выслушивать такую же ерунду? Нет, она этого не вынесет!

Но в глубине души Тильда чувствовала, что сможет. Ведь именно к такой жизни ее и готовили с раннего детства. Учили, заставляли разговаривать на разных языках, обязывали прочитывать толстенные тома по истории, где не было ничего интересного, одни цифры и даты. А еще бесконечные описания сражений, битв и такая же бесконечная череда рождений и смертей. А сколько карт было проштудировано! Ими была увешана вся ее классная комната. На одной стене – карты, изображавшие Европу в границах донаполеоновского периода. Потом пришел Наполеон и по своей прихоти перекроил европейскую карту. После того как его свергли, старые границы были восстановлены и на карты вернулись прежние государства, окрашенные в тот же цвет, что и раньше.

После 1871 года появились новые карты, отражавшие реалии уже нового времени, например объединенную Германию. Если внимательно посмотреть на карту, нельзя не заметить, что Германия, окрашенная в коричневый цвет, заполнила все свободное пространство между Францией и Россией. В более светлый тон были окрашены территории последних прусских приобретений, отошедших к Пруссии по Пражскому договору.

А коричневый цвет подходит Германии, размышляла Тильда, внимательно разглядывая карту. Тяжелая, скучная страна. И одновременно зловеще-мрачная. Да и в самих жителях Пруссии было что-то такое, что вызывало неприязнь. Они показались Тильде высокомерными, с явно выраженными диктаторскими замашками. Иное дело баварцы. Правда, знакомство Тильды с Баварией оказалось слишком поверхностным. Но люди ей понравились. Все вокруг улыбаются, у всех добродушные лица. Остается надеяться, что жители Обернии, которая граничит с королевством Бавария, ненамного отличаются от баварцев: такой же улыбчивый и добродушный народ.

Весь маршрут Тильды по Европе был расписан буквально по минутам. Об этом позаботились родители еще до ее отъезда в Обернию. В строгом соответствии с графиком в Линдерхофе она должна была провести только две ночи, после чего ей и ее спутникам предстояло пересечь границу с Обернией. Благо сама граница находилась совсем рядом с Линдерхофом,

милях в трех от дворцового комплекса. Итак, конец ее путешествия совсем близок. Едва она пересечет границу и вступит в пределы княжества, в ее жизни начнется новая глава.

– Король Людвиг хорошо знает князя Максимилиана, – сказала ей мать, прощаясь. – Он расскажет тебе все, что нужно знать накануне встречи с ним. И ты прибудешь в столицу Обернии вполне подготовленной к своей новой роли.

Но по каким-то непонятным причинам король Людвиг постарался уклониться от свидания и беседы с ней. И вот цель близка, думала Тильда со страхом, а она совершенно не готова к встрече с будущим мужем. И как не знала о нем ничего, так и не знает. Кто же подстрахует ее от возможных ошибок, которые она может совершить, вступив в пределы незнакомой страны? Кто подскажет, что и как надо делать?

В первый же вечер в Линдерхофе у нее было мало времени, чтобы поразмыслить обо всех этих сложностях. Но на другой день, когда она со своими спутниками в сопровождении королевского адъютанта отправилась на прогулку по парку, окружающему дворец, прежние страхи снова обступили ее со всех сторон.

Все в Линдерхофе было на самом деле сказочно-игрушечным: крошечный дворец, да и сам парк вполне соответствовал ему по размерам. А потому осмотр достопримечательностей много времени не занял. Тильда была в восхищении. Все вокруг, начиная с дворца и его внутреннего убранства и кончая окрестными пейзажами, поражало красотой; во всем безошибочно чувствовался тонкий вкус человека, действительно задумавшего сотворить чудо. И везде ощущалось личное участие короля. Чуть позже Тильда обошла дворец уже в одиночестве и в полной мере насладились изысканностью интерьера. Как великолепно вышивка на шторах и драпри! А маленький овальный кабинет из розового дерева, а живописный петух, произведение знаменитых мастеров севрского фарфора, а резные панели, в полном блеске явившие мастерство здешних резчиков по дереву. Ну и, конечно же, целая галерея фамильных портретов, далеких и близких предков короля Людвиг, которыми были увешаны все стены в проемах между горками, заполненными коллекционным фарфором.

Да, такую атмосферу изысканной красоты и роскоши, где по-настоящему отдыхаешь душой и сердцем, мог задумать и воплотить в жизнь только человек, обладающий безупречным вкусом, который умеет ценить и понимать прекрасное во всех его проявлениях.

Под впечатлением от дворцовых красот Тильда вернулась в гостиную. Она немного устала от обилия шедевров вокруг, что не помешало ей моментально почувствовать напряжение, повисшее в комнате.

– Ничего не понимаю! – услышала она голос леди Крукерн. – Разве его высочество не в курсе, что мы уже здесь? И что мы ожидаем его...

– Что случилось? – прямо с порога поинтересовалась у собравшихся Тильда.

Все умолкли, сконфуженно переглядываясь. И лишь профессор Шиллер, никогда не терявший присутствия духа, выступил вперед и сказал самым обыденным тоном:

– Леди Виктория! Дело в том, что приготовления к вашему приему в Обернии еще не завершены.

– Как? – совершенно искренне удивилась Тильда. – Разве мы приехали раньше назначенного срока?

– Нет, мы прибыли точно по расписанию. И дата вашего приезда в Линдерхоф была заранее согласована с князем Максимилианом.

Все присутствующие молча уставились на Тильду. Даже личный адъютант короля Людвиг был заметно взволнован. При виде всеобщего смятения Тильда невольно улыбнулась.

– Ничего страшного! В таком сказочном дворце, как Линдерхоф, среди такой красоты я готова ждать свидания с князем до бесконечности!

Леди Крукерн и профессор Шиллер устали на адъютанта, словно только от него сейчас зависело решение их дальнейшей судьбы.

Адъютант был уже немолод, и с момента их прибытия в Линдерхоф, как успела заметить Тильда, на его лице застыло озабоченное выражение. Но сейчас озабоченность сменило откровенное смятение.

– Мне очень жаль, леди Виктория, – начал он, с трудом подбирая слова с видом человека, попавшего в очень непростую ситуацию, – но на этот счет, к сожалению, существует и другое мнение.

– Вот как? И что же это за мнение?

– Миледи, вам нельзя здесь более оставаться.

Тильда широко раскрыла глаза, но прежде чем она успела вымолвить хоть слово, вмешалась леди Крукерн:

– Вы уверены? Разве нельзя попросить Его Величество...

Адъютант отрицательно покачал головой.

– Как я уже имел честь сообщить вам, Его Величество категорически не приемлет нарушения своих личных планов. И никакого вторжения в свою жизнь. Согласно предварительной договоренности, вы должны были провести в Линдерхофе только две ночи. А потому Его Величеством уже даны соответствующие распоряжения касательно того, чтобы завтра утром вы покинули дворец. Мне жаль, что так вышло, но это приказ короля, и все мы обязаны ему подчиниться.

Почтенная дама недовольно крякнула, но и только. Перечить королевским распоряжениям леди Крукерн не посмела.

– И что же прикажете нам делать? – растерянно спросила у него Тильда. – Как я понимаю, мы не можем ехать в Обернию до тех пор, пока они не будут готовы принять нас, ведь так?

– Да, так. Со своей стороны могу порекомендовать вам вернуться в Вюртемберг.

– Но это невозможно! – воскликнула Тильда. – Король Карл и так был настолько любезен, что приютил нас на целых три ночи. К тому же я слышала, что сразу же после нашего отъезда король собирался отправиться в Эльзас.

Все подавленно молчали. Тильда, подождав немного, закончила начатую мысль:

– В такой ситуации мне бы не хотелось снова надоедать ему или тем более навязываться со своими проблемами.

– Разумеется, нет! – моментально согласилась с ней леди Крукерн, у которой посещение вюртембергского двора оставило самое неприятное впечатление. И ей никак не улыбалось снова там оказаться.

– Тогда остается только Мюнхен, – задумчиво проронил адъютант.

– И мы остановимся в королевском дворце, – с энтузиазмом подхватила леди Крукерн.

– Боюсь, это тоже невозможно, – с самым несчастным видом ответил ей адъютант.

Тильда видела, что ему крайне неприятно сообщать о том, что высоким гостям короля отказано в элементарном гостеприимстве. Что ж, если вспомнить, сколько странностей водится за королем Людвигом, по словам тех, кто его хорошо знает, такому повороту событий удивляться тоже не стоит.

Обычно экстравагантное поведение баварского короля никогда не обсуждалось в присутствии Тильды, и все же она была прекрасно осведомлена о том, что почти все ее родственники со стороны матери относятся к нему весьма неодобрительно.

А король Георг так и вовсе с присущей ему прямоотой заявил безо всяких обвиняков:

– Этот парень просто сошел с ума, вот и все. Я давно говорил, что этим все и кончится.

Но королева шикнула на мужа и тут же переменяла тему разговора.

Однако Тильда не забыла слова короля Георга и с горечью подумала, что, скорее всего, так оно и есть.

– Так вы что, предлагаете нам остановиться на каком-нибудь постоялом дворе? – возмутилась вдовствующая леди.

– В Мюнхене полно прекрасных гостиниц. Самая лучшая из них так и называется – «Отель».

– О да! Наслышан! – поддержал адъютанта профессор Шиллер. – Очень respectable гостиница, где квартируют исключительно люди самого высокого звания.

– Герцог Фортгемптон не потерпит, чтобы его единственная дочь ночевала в гостинице, пусть она будет даже самая respectable в мире. Весь маршрут ее путешествия в Обернию продуман таким образом, чтобы избежать ночлега в гостиницах.

– Но других вариантов у нас, к сожалению, нет! – В Тильде вдруг проснулся обыкновенный здравый смысл. – Если только вы, леди Крукерн, не желаете провести ночь под открытым небом среди гор. Но, глядя на их покрытые снегом вершины, я не сомневаюсь, что подобная ночевка обещает быть очень холодной! – добавила она с шутилой улыбкой, чтобы хоть немного разрядить обстановку.

В глубине души Тильда была даже рада возникшим затруднениям. Какое-никакое, а все приключение! И потом... она даже сама боялась себе в этом признаться. Но, положив руку на сердце, небольшая отсрочка перед свадьбой ее обрадовала.

Леди Крукерн с негодованием встала со своего места.

– Боже мой! – воскликнула она патетическим тоном. – Куда катится мир! Подумать только! Ближайшей родственнице нашей дорогой королевы Виктории отказано в крыше над головой! Уму непостижимо!

Она величаво выплыла из комнаты. Тильда улыбнулась, глядя на адъютанта.

– Пожалуйста, не переживайте! – мягко сказала она ему. – Я не имею ничего против переезда в гостиницу. Более того, мне самой очень хотелось взглянуть на Мюнхен. Профессор столько рассказывал об этом городе.

И действительно, Мюнхен – это была единственная тема в их разговорах, когда профессор Шиллер вдруг забывал о своих обязанностях наставника и начинал рассуждать как самый обычный человек. В свое время он учился в Мюнхенском университете, а после его окончания даже несколько лет преподавал в своей альма-матер. Стоило профессору заговорить о Мюнхене, и голос его сразу же теплел, в интонациях появлялись живость и интерес, которых так не хватало ему, когда он рассуждал об истории или занимался с ней языком.

– Прошу понять меня правильно, миледи! – извиняющимся тоном обратился к Тильде адъютант. – Но я лишь неукоснительно следую распоряжениям Его Величества.

– О, не волнуйтесь! Я все прекрасно понимаю. И потом, наше путешествие было пока столь безоблачным, что грех жаловаться на какой-то незначительный сбой в самом конце.

Она одарила офицера еще одной улыбкой, и тот сразу же просиял.

– Ваша милость так добры! – сказал он, отвешивая почтительный поклон.

– Ну вот, профессор! – обратилась Тильда к своему наставнику. – У меня появился реальный шанс проверить на месте, так ли обворожительно прекрасен Мюнхен, как вы рассказывали мне, на самом деле.

– О да! И скоро, очень скоро вы сами в этом убедитесь! – с юношеским энтузиазмом воскликнул профессор Шиллер.

Судя по всему, он был просто счастлив, что представилась возможность снова посетить город своей студенческой молодости. Одна лишь леди Крукерн была не в духе и недовольно хмурилась весь вечер. Но Тильда постаралась сделать вид, что не слышит ее ворчливых реплик. После ужина она снова отправилась побродить по дворцу, надеясь запе-

чатлеть в своей памяти каждый уголок этого изумительного по своей красоте архитектурного шедевра.

Кто знает, думала она, медленно переходя из зала в зал, быть может, в один прекрасный день у нее тоже появится возможность построить нечто подобное.

Соблазнительная мысль! Позже, уже лежа в кровати, среди мерцающих канделябров с десятками горящих свечей, пламя которых отражалось и преломлялось во множестве зеркал, Тильда снова унеслась мечтами в романтические дали. Ах, как ей хотелось, чтобы все то, о чем она грезила, исполнилось наяву!

Она проснулась на рассвете, когда все еще спали. Осторожно выскользнула из дверей своей спальни и в последний раз отправилась прогуляться по дворцу. Еще раз осмотрела парадные залы, предназначенные для государственных церемоний, замирая в немом восторге от того, что видела в каждом. Экскурсия так захватила ее, что она даже опоздала к завтраку: пришлось на ходу придумывать оправдания.

По странному стечению обстоятельств подача экипажа тоже задерживалась. Его обещали подать только к одиннадцати. Чтобы не слушать бесконечный поток униженных извинений адъютанта, начинающих уже действовать на нервы, Тильда решила отправиться в парк.

Было по-летнему тепло, хотя стоял еще только конец мая. Дворец, подсвеченный яркими лучами утреннего солнца, утопал в бело-розовом море цветущих садов. На фоне пронзительно-голубого неба он был похож на драгоценную жемчужину такого же бело-розового оттенка, которую чья-то невидимая рука вознесла к небесам и водрузила среди заснеженных вершин Баварских Альп.

Несмотря на жаркий день, ночи в предгорьях были все еще прохладными. Накануне Тильда откровенно обрадовалась, обнаружив в спальне заботливо оставленное для нее пуховое одеяло. Но сейчас, прогуливаясь по парку, она предпочла обойтись без накидки. И как хорошо, что она не забыла надеть шляпку с полями, которые защищали ее личико от слишком яркого солнца. Шляпка с голубыми лентами в тон глазам завязывалась на бант под подбородком. Она очень шла Тильде.

Девушка медленно спустилась по ступенькам террасы и, обойдя дворец со всех сторон, направилась в глубь парка. В свое время король распорядился, чтобы при закладке нового парка часть лесного массива, попавшего в пределы дворцовых территорий, сохранилась в своем первозданном виде. Тильда начала осторожно подниматься в гору, заранее предвкушая, какой фантастической красоты панорама откроется ей сверху. Горный склон был достаточно крут, и очень скоро, запыхавшись, она уселась передохнуть на поваленный ствол дерева. Вековые ели обступили ее со всех сторон.

Вдруг до нее долетели чьи-то голоса. Внимательно приглядевшись, Тильда заметила между деревьями фигуры мужчины и женщины, которые, взявшись за руки, тоже взбирались по горному склону.

– О нет! Это слишком тяжело! – протестующе воскликнула женщина.

Тильда хорошо знала немецкий, а потому для нее не составило труда понять, о чем говорят эти двое.

– Но я хочу, чтобы ты взглянула, какой чудесный вид открывается сверху, – сказал ее спутник глубоким, волнующим голосом.

Насколько Тильда могла судить с такого расстояния, незнакомец был очень хорош собой. Правильные, словно высеченные из мрамора черты лица, что, как она уже успела заметить, характерно для многих здешних мужчин. Баварец был в одежде простого крестьянина, которая смотрелась на нем очень живописно.

Короткие кожаные штаны, зеленая куртка с костяными пуговицами. Наряд довершала элегантная шляпа в тон камзолу с небольшими полями, украшенная сзади пушистым хвостом.

Да он не просто хорош собой, подумала Тильда, пристально вглядываясь в незнакомца. Это самый настоящий красавец. Потом она перевела взгляд на его спутницу. Девушка тоже была необыкновенно хороша собой.

Ярко-рыжие волосы отливали на солнце медью и были такого густого и насыщенного цвета, что само собой возникало подозрение, уж не крашенные ли они. Огромные глаза обрамляли густые длинные ресницы, а алые губки капризно надулись, когда она проговорила:

– Нет-нет, Рудольф! С меня хватит!

– Прошу тебя! Тут ведь всего два шага! Мы проделали такой долгий и трудный путь!

– Ну конечно! Два шага! А потом еще два, и еще.

– Ах, Митси! Какая же ты трусиха! Пойдем, прошу тебя! – умолял ее молодой человек. – От прогулок по горам одна польза, уверяю тебя.

– Я устала. И не собираюсь больше карабкаться вверх! Да и какой, скажи мне, прок? Потратить бог знает сколько усилий, и все для того, чтобы просто поглазеть на старые как мир скалы.

– Ах, у тебя совершенно нет сердца!

– Более чем достаточно, уверяю тебя!

– Это правда? – молодой человек обнял девушку за плечи. – Я уже говорил тебе, Митси, что ты сегодня как-то особенно красива?

– Нет, сегодня еще не говорил. И я считаю это большим упущением с твоей стороны и ставлю на вид.

– Тогда придется постараться немедленно реабилитироваться в твоих глазах!

Он притянул к себе девушку и крепко поцеловал ее в губы.

Тильда стояла не шелохнувшись и как зачарованная наблюдала разворачивающуюся на ее глазах сцену. Она еще ни разу в жизни не видела целующихся мужчину и женщину. Во всяком случае, так, как целовались эти двое, страстно, жадно, нетерпеливо ища губы друг друга. Высокий, широкоплечий Рудольф и маленькая, хрупкая в сравнении с ним Митси. Казалось, еще немного, и она полностью растворится в его объятиях. И все же было что-то завораживающе прекрасное в том, как слилась эта пара в долгом и ненасытном поцелуе. Вот он, вечный символ любви, о которой так мечтала Тильда, еще не представляя себе, что это значит на самом деле.

Казалось, молодые люди никогда не оторвутся друг от друга, но вот Рудольф поднял голову и сказал:

– Ты волнуешь меня! Ты всегда волнуешь меня, Митси! Я хочу тебя!

Девушка издала короткий смешок.

– Какого же ответа, интересно, ты ждешь?

– Я хочу тебя! – повторил он с новой силой, и Тильда почти физически почувствовала, как в его голосе вибрирует желание. – Я хочу тебя сию же минуту, здесь и сейчас! И не собираюсь ждать!

– Прямо здесь?! В лесу?! Да ты с ума сошел!

– Почему же сошел? Что может быть лучше, чем заняться этим на природе?

Митси рассмеялась, но ее смех был заглушен новым страстным поцелуем, на сей раз уже не в губы, а в шею. Рудольф все сильнее сжимал девушку в своих объятиях, но все же ей удалось как-то вырваться от него, и она с игривым смешком воскликнула:

– Хочешь меня? Ну, так догони!

И тотчас же, сорвавшись с места, стремительно понеслась вниз по склону, петляя между деревьями.

– Митси! – крикнул Рудольф и бросился вдогонку. И Тильда невольно восхитилась тем, как легко и даже грациозно он несет свое крупное тело. Очень скоро он догнал девушку. Тильда чуть-чуть вытянулась вперед, чтобы получше рассмотреть, что будет дальше. Парень снова схватил красавицу в объятия и стал пылко целовать. Она затаила дыхание и приготовилась ждать продолжения, но в этот момент услышала где-то внизу, у себя за спиной:

– Ваша светлость! Ваша светлость! Лошади готовы!

Тильда неохотно повернулась на звук голоса и увидела раскрасневшегося, запыхавшегося адъютанта в парадном, шитом золотом мундире.

Делать нечего, она с сожалением поднялась с дерева.

– Прошу прощения! – проговорила она виновато. – Я совсем забыла о времени.

– А мы уже стали беспокоиться, миледи, где вы. К счастью, один из садовников видел, как вы направились в лес и стали подниматься в гору.

– Сейчас я спущусь! Ждите меня внизу!

Она бросила последний взгляд в ту сторону, где целовались Рудольф и Митси, но их и след простыл. Куда же они подевались, недоумевала Тильда. Потом ей показалось, что низко, почти у самой земли, мелькнуло что-то белое, похожее на край нижней юбки. Впрочем, полной уверенности, что это так, у нее не было. Вполне возможно, что это просто какой-то лесной цветок. Вон их сколько вокруг.

Она стала осторожно спускаться к поджидавшему ее адъютанту, все еще всецело под впечатлением от встречи с молодой парой. Внизу адъютант тотчас же бережно подхватил ее под руку и поддерживал до тех пор, пока они не спустились с лестницы.

– Какой красивый лес! – восхищенно заметила Тильда. – Здесь разрешено гулять посторонним?

– Места у нас глухие, – ответил адъютант. – Но официальных запретов на прогулки по лесу или осмотр окрестных достопримечательностей нет. Разумеется, король не любит, когда туристы или просто зеваки подходят к дворцу слишком близко. А потому за этим строго следят.

– Что ж, Его Величество можно понять, – согласилась Тильда и подумала: «Интересно, кто же эти двое? Скорее всего, какая-то супружеская пара из местных, устроившая вылазку на природу в выходной день. Конечно же, это муж и жена. Разве может незамужняя девушка гулять по лесу одна, да еще в обществе молодого человека! И потом, по манерам Митси можно судить, что она уже вполне взрослая и очень искушенная женщина».

Тильда была почти уверена в том, что ее чересчур алые губы и чересчур рыжие волосы – это не столько дары природы, сколько плоды деятельности умелых рук.

«Так я и не узнаю никогда, кто же они, – подумала она и неожиданно для себя вздохнула. – Это все равно что читать интересную книжку, а потом вдруг обнаружить, что у нее потеряны последние страницы. И чем кончится история, рассказанная автором, так и останется загадкой».

Всю дорогу в Мюнхен Тильда размышляла над тем, что значат странные слова, с которыми Рудольф обратился к Митси: «Я хочу тебя!» Да и тон, которым они были сказаны, тоже показался Тильде весьма необычным. Наверное, думала она, так разговаривают все простолюдины: взволнованно, нетерпеливо, словно побуждая друг друга не терять времени зря. Не то что ее королевская родня! Те слова в простоте душевной не скажут. А если и одарят парой фраз, каждое слово срывается с их уст с такой неохотой, что устаешь ждать окончания фразы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.